

А ПОТОМ ЧАЙ ПИЛИ

© 2006 Л.Е. Кройчик

Воронежский государственный университет

– I –

“Вернувшись из церкви, преосвященный торопливо помолился, лег в постель, укрылся по-теплей.

Неприятно было вспоминать про рыбу, которую он ел за обедом. Лунный свет беспокоил его, а потом послышался разговор. В соседней комнате, должно быть в гостиной, отец Сисой говорил о политике:

– У японцев теперь война. Воюют. Японцы, матушка, все равно, что черногорцы, одного племени. Под игом турецким вместе были.

А потом послышался голос Марии Тимофеевны:

– Значит, богу помолившись, это, чаю напившись, поехали мы, значит, к отцу Егору, в Новохатное, это...

И то и дело “чаю напившись”, или “напившись”, и похоже было, как будто в своей жизни она только и знала, что чай пила. Преосвященному медленно, вяло вспоминалась семинария, академия. Года три он был учителем греческого языка в семинарии, без очков уже не мог смотреть в книгу, потом постригся в монахи, его сделали инспектором. Потом защищал диссертацию. Когда ему было 32 года, его сделали ректором семинарии, посвятили в архимандриты, и тогда жизнь была такой легкой, приятной, казалась длинной-длинной, конца не было видно. Тогда же стал болеть, похудел очень, едва не ослеп и, по совету докторов, должен был бросить все и уехать за границу.

– А потом что? – спросил Сисой в соседней комнате.

– А потом чай пили... – ответила Мария Тимофеевна.

– Батюшка, у вас борода зеленая! – проговорила вдруг Катя с удивлением и засмеялась.

Преосвященный вспомнил, что у седого отца Сисоя борода в самом деле отдает зеленью, и засмеялся¹.

Это – “Архиерей”.

1902-й год.

Рассказ об одиночестве человеческой души.

Рассказ о человеке, всего достигшем и ничего, в сущности, не имевшем – ни любви, ни тепла, ни внутренней близости с людьми, окружающими его.

Ни внутренней свободы.

“Архиерея” часто сравнивают со “Скучной историей” – по сходству историй о преуспевании, которое само по себе ничего не значит. Однако рядом с отцом Петром, викарным архиереем, можно поставить не только профессора Николая Степановича, но и действительного статского советника Сорина из “Чайки”.

И самого Антона Павловича Чехова.

Одним из первых обратил на это внимание Иван Алексеевич Бунин, который, если верить воспоминаниям Бориса Зайцева, заметил, что в “Архиерее” Чехов “слил черты одного таврического архиерея со своими собственными, а для матери взял Евгению Яковлевну”².

Таганрогский исследователь творчества Чехова В. Д. Седегов обратил внимание на то, что отец Петр и Антон Павлович Чехов почти ровесники – каждому к моменту выхода рассказа в свет было примерно по сорока одному году.

В “Архиерее” Чехов предпринимает попытку подытожить свою жизнь.

Автор примечаний к двухтомнику “Избранных произведений” А. П. Чехова В. Пересыпки-

¹ Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. / А. П. Чехов. – М., 1977. – Сочинения, Т. X. – С. 192.

В дальнейшем все ссылки на это издание даются в тексте в следующем порядке: С – сочинения, П – письма, римская цифра – том, арабская – страница.

² Зайцев Б. Чехов. Литературная биография / Б. Зайцев. – Нью-Йорк, 1954. – С. 257.

на не без оснований замечает: “Вложив в образ архиерея очень много своих переживаний, настроений, мыслей, введя в рассказ отдельные детали и приметы личного быта, Чехов, пожалуй, является основным прототипом героя рассказа”³.

Чехов задумал “Архиерея” задолго до того, как рассказ появился на свет. В письме к Ольге Леонардовне Книппер от 16 марта 1901 года Антон Павлович сообщает: “Пишу теперь рассказ под названием “Архиерей” на сюжет, который сидит у меня уже лет пятнадцать” (П., X, 230).

Пятнадцать лет на обдумывание вещи — срок для Чехова небывалый. Что подтолкнуло к написанию рассказа?

Тем более, что в том же письме к Ольге Леонардовне неожиданное признание: “Я литературу совсем бросил, а когда женюсь на тебе, то велю тебе бросить театр и будем вместе жить, как плантаторы” (П., X, 229).

Ну да — шутка.

Но пришла пора итожить прожитое.

Доктор Чехов ощущает неумолимую поступь смертельной болезни. Сопrotивляется. Женитьба на Книппер — один из актов такого сопротивления.

Вместо свадебного путешествия — санаторий в Аксенове Уфимской губернии, где “молодые” проводят медовый месяц. Там летом 1901 года Чехов пытается работать над “Архиереем”.

Вместе с “Дамой с собачкой”, повестью “В овраге”, рассказами “Расстройство компенсации”, “На святках” и “Невеста”, пьесой “Вишневый сад”, “Архиерей” составляет цикл “вещей прощания”, “вещей итогов”.

Дело не в жанре произведений.

Дело — в мироощущении.

В потребности подвести итоги прожитого.

Шведский славист Н. О. Николсон, анализируя “Архиерея”, замечает: “Прямой вопрос из “Степи”: “Какой будет эта новая жизнь?” — задается в “Архиерее” в прошедшем времени: “Какой была эта человеческая жизнь?” — и задается он не прямо, а скорее подразумевается”⁴.

Цитируя эти слова, В. Б. Катаев подчеркивает: “В рассказе об умирающем архиерее затрагиваются коренные вопросы жизни: какие радости доступны человеку в жизни, что отравляет ему жизнь, как человек относится к смерти. Это проблемы, касающиеся человека “родового”, человека любого сана и звания, хотя автор точно обозначил “видовые” приметы своего героя” [2, 288].

Добавим — один из коренных вопросов рассказа: как человеку следует относиться к собственной жизни?

И что, собственно, собой представляет эта самая жизнь?

Бытовое и бытийное, выглядевшие ранее разведенными, а потом — существующими параллельно, оказались теперь сведенными воедино.

В одну жизнь.

Бытовая повседневность все явственнее ощущается как необходимость (а не просто как неизбежная), как часть того, что называется осмысленной жизнью.

Потому что бессмысленной жизни не бывает.

Просто у каждого из живущих свое представление о смысле ее.

Свой выбор пути.

Слушая разговор отца Сисоя с матерью, посвященный вспоминает собственную жизнь.

Три года был учителем греческого языка в семинарии (Беликовым мог стать, “человеком в футляре”, торжественно поднимая вверх палец и произнося многозначительно “Антропос”).

А потом — постриг в монахи.

А потом — защита диссертации.

А потом — заграничная командировка.

А потом — должность архиерея...

Чем стереотипное “выстраивание” карьеры отличается от рутинного “А потом чай пили”?

Слушая разговор матери с Сисоем, сын огорченно думает: “Похоже было, как будто... она только и знала, что чай пила”. Но монтажным стыком к этому размышлению отца Петра идет воспоминание о собственной карьере.

В. Камянов замечает по этому поводу: “Происходит одно из обыкновенных чеховских чудес: размывается грань между “там” и “здесь”, “тогда” и “сейчас”, обрывки чужого разговора, случайные, казалось бы, слова выманивают из памяти главного героя подробность прошлого”⁵.

Две судьбы сливаются в одну.

“— А потом что?

— А потом чай пили...”

Чехов очень любит глаголы несовершенного вида: благодаря им действие обретает эпичность.

Время раздвигает свои границы. Становясь беспредельным.

Жизнь как сплошное чаепитие.

Чаепитие — ритуал, объединяющий людей.

³ Чехов А. П. Избранные произведения: в 2 т. / А. П. Чехов. — М., 1979. — Т. 2. — С. 684.

⁴ Цит по кн.: Катаев В. Б. Проза Чехова. Проблемы интерпретации / В. Б. Катаев. — М., 1979. — с. 288.

⁵ Камянов В. Время против безвременья / В. Камянов — М., 1989 — С. 140.

Общий стол, общий самовар, общая беседа.

Времяпрепровождение.

Сообщество интересов.

Все то, чего был при жизни лишен преосвященный. “Жизнь, не запрещенная циркулярно, но и не разрешенная вполне (С., X, 53).

Жизнь, которая тебе не принадлежала. И творцом которой он, отец Петр, в сущности, не был. Как замечает Н. В. Капустин, автор содержательной монографии “Чужое слово” в прозе А. П. Чехова: жанровые трансформации”, отец Петр самостоятельно карьеры не сделал, он выступал объектом “чужой воли”: “сделали инспектором”, “сделали ректором”, “посветили в архимандриты” [1, 203].

А в результате – катастрофа: отец Петр “думал о том, что вот он достиг всего, что было доступно человеку в его положении, он веровал, но все же не все было ясно, чего-то еще не доставало” (С., X, 195).

Чехов предоставляет право поиска читателю...

Прислушаемся к разговору за стенкой.

– У японцев теперь война, – говорит отец Сисой. – Воюют.

Написан рассказ в 1902 году. В тот год Япония не воевала. Воевала с Китаем в 1895-м.

Можно говорить о невежестве Сисоя. (Знаменитая его фраза “не нравиться мне это!” после появления “Архиерея” в печати разошлась по всей России.)

Но можно уловить за комичной, в общем-то, информацией отца Сисоя о воюющих японцах и нечто серьезное – устойчивость человеческих представлений о мире, окружающем человека.

Случившееся ранее воспринимается как постоянное, неизменное, вечное.

Мир неизменен и всеобщ.

– Японцы, матушка, – поучает отец Сисой, – все равно, что черногорцы, одного племени. Под игом турецким вместе были.

Русско-турецкая война Сисоем не забыта. Время историческое и время бытовое слиты: пока здесь “чай пили”, там все как-то и складывалось в одно мировое происшествие.

Это – жизнь.

- II -

Историю жизни преосвященного Петра Чехов укладывает в рассказ о последней неделе земного существования человека, страдающего от одиночества.

Время выбрано не случайно.

Пасхальная неделя – дни соприкосновения душ.

Время всеобщего, всечеловеческого подтверждения веры.

Время движения от смерти к воскресению, к жизни. В рассказе “Архиерей” Чехов разрушает канон пасхального текста⁶.

Пространство повествования автор отводит смертельному недугу преосвященного.

Основа фабулы: движение от жизни к смерти.

Неотменимая расплата за постепенное омертвление души.

Только в шаге от земного предела отец Петр понимает, что надо было оставаться с именем, данным при рождении – Павлом.

То есть быть самим собой.

“Какой я архиерей?.. Мне бы быть деревенским священником, дьячком... или простым монахом... Меня давит все это... давит” (С., X, 199).

Глупо искать в этом признании преосвященного отголоски чеховского антиклерикализма. Споры об отношениях Чехова с Богом, о его атеизме (или – веротерпимости) начались еще при жизни писателя.

В рассказе “Архиерей” Чехова интересует не сан, а личность героя, не его воцерковленность, а символ его веры.

Не столько связь с небесным, сколько связь с земным.

“Человек Чехова, – замечает А. Чудаков, – не может быть выключен из этого обступающего моря вещей даже перед лицом вечности”⁷.

Можно добавить: герои позднего Чехова все заметнее ощущают свою принадлежность “обступающего” их миру. Что не мешает, впрочем, помнить о вечном.

Чехов начинает повествование с описания службы.

С описания толпы, в которой неразличимы отдельные лица.

С описания множества, сплоченного одной волей. Одним духовным устремлением.

“В церковных сумерках толпа колыхалась, как море, и преосвященному Петру, который был нездоров уже дня три, казалось, что все лица – и старые, и молодые, и мужские, и женские – подходили одно на другое, у всех, кто подходил за вербой, одинаковое выражение глаз. В тумане не было видно дверей, толпа все двигалась, и похоже было, что ей нет и не будет конца. Пел женский хор, канон читала монашенка.

⁶ См. об этом подробнее в кн.: Капустин Н. В. “Чужое слово” в прозе А. П. Чехова: жанровые трансформации / Н. В. Капустин. – Иваново, 2005.

⁷ Чудаков А. П. Мир Чехова А. П. Чудаков / А. П. Чудаков. – М., 1986 – С. 170 с.

Как было душно, как жарко! Как долго шла всенощная! Преосвященный Петр устал. Дыхание у него было тяжелое, частое, сухое, плечи болели от усталости, ноги дрожали. И неприятно волновало, что на хорах изредка вскрикивал юродивый. А тут еще вдруг, точно во сне или в бреду, показалось преосвященному, будто в толпе подошла к нему его родная мать Мария Тимофеевна, которой он не видел уже девять лет, или старуха, похожая на мать, и, приняв от него вербу, отошла и все время глядела на него весело, с доброй, радостной улыбкой, пока не смешалась с толпой. И почему-то слезы потекли у него по лицу” (С., X, 186).

Толпа, напоминающая море, — деталь важная (недаром к этому сравнению Чехов еще вернется в рассказе).

Море — “свободная стихия” (по Александру Сергеевичу), и толпа как стихия неразличимых лиц с одинаковым выражением глаз — антитезы по своей сути.

Толпа подчиняет себе каждого, толпа стирает индивидуальность. Даже самый близкий человек — мать — в топе воспринимается как “старуха, похожая на мать”.

Толпа подавляет, толпа усыпляет. Толпа превращает явь в сон. В бред.

Парадокс в том, что изнемогающий от болезни отец Петр — вождь этой толпы.

Всенощную ведет человек, угнетенный телом. Душа отца Петра сопротивляется этому угнетению. Преосвященный ищет точку опоры и, кажется, находит в лице матери.

Надежда на встречу (“точно во сне или в бреду, показалось... будто... подошла его родная мать”) приносит радость, и отец Петр плачет.

На какое-то мгновение душа его побеждает немощь тела.

И — происходит чудо.

“Вот вблизи еще кто-то заплакал, потом дальше кто-то другой, потом еще и еще, и мало-помалу церковь наполнилась тихим плачем (С., X, 186).

Но — так было только минут пять. Потом уже не плакали, “все было по-прежнему” (любимая чеховская примета происходящего — отсылаю к “Человеку в футляре”, “Ионычу”, “Дяде Ване”).

Жизнь продолжила свое течение...

В “Архиерее” все происходящее дается с трех точек зрения — повествователя, отца Петра и Марии Тимофеевны.

Три взгляда — три русла, по которым течет реальная жизнь.

Изнемогающий от кровохаркания Антон Павлович Чехов, отчетливо понимающий губительный ход своей болезни, но не желающий сдаваться (не тем ли вызвано венчание на Ольге

Леонардовне?) дает возможность говорить от своего лица не явленному персонально повествователю.

Повествователь лиричен, как Чехов (эпизоды с Катей и Марией Тимофеевной), ироничен, как Чехов (эпизоды с Сисоем); наблюдателен, как Чехов (пейзажные зарисовки — сравните описание лунных ночей в “Ионыче”, в “Волке”), деликатен, как Чехов (о правоте или неправоте поступков героев не судит, оставляя действующим лицам самим подводить итоги и принимать решения).

Голос отца Петра оживает не только в собственных репликах, но и в несобственно прямой речи, составляющей сюжетно-эмоциональное ядро повествования.

Мария Тимофеевна немногословна (косноязычна даже), но живые интонации ее реплик вводят в повествование ту непрдуманную жизнь, живого дыхания которой так недостает преосвященному.

Главный голос — голос одинокого человека.

И вот тут образуется очевидный зазор между Антоном Павловичем Чеховым и его героем.

Во времени написания “Архиерея” у Чехова было все — признание читателей, уважение коллег, звание почетного академика.

Но — над теми, кто называл его “ваше высокопревосходительство” (то есть возводил в генеральский чин) Чехов посмеивался.

И в принципиальной ситуации отказался от почетного звания.

Отец Петр покорился судьбе.

Тут дело не в следовании христианской этике (хотя евангельские имена Петр, Павел, Мария к этому подталкивают) — тут дело в подчиненности общему ритуалу жизни.

В покорном следовании ее течению.

В несопротивляемости организма.

Пожалуйста, вот вам простейшее, что приходит на ум: преосвященный потому так рано и уходит из жизни, что социальный иммунитет им не выработан.

“Архиерей” — это рассказ о человеке, который не принадлежит сам себе.

Чин убивает в человеке все живое, отделяет от себе подобных.

Недаром повествователь, мельком отметивший тоску отца Петра, оказавшегося за границей, по Родине, достаточно подробно говорит о делах, которыми приходилось заниматься отцу Петру.

Заменяя заболевшего епархиального архиерея, отец Петр принимал просителей и подписывал бумаги. “Его поражала пустота, мелкость всего того, о чем просили, о чем плакали; его сердил неразвитость, робость; и все это мелкое и

ненужное угнетало его своей массой... <...> А бумаги, входящие и исходящие, считались десятками тысяч, и какие бумаги! Благочинные во всей епархии ставили священникам, молодым и старым, даже их женам и детям, отметки по поведению, пятерки и четверки, а иногда и тройки, и об этом приходилось говорить, читать и писать серьезные бумаги” (С., X, 194).

Маленькая, незаметная деталь: преосвященный размышляет об этом тогда, когда ему стало нездоровиться. А пока был полон сил – что же?

Он – церковный сановник, никак не мог “привыкнуть к страху, какой он, сам того не желая, возбуждал в людях, несмотря на свой тихий скромный нрав” (там же).

Он готов быть для матери сыном, но даже мать прежде всего видит в нем архиерея: И “мать, казалось, была уже не та, совсем не та! И почему, спрашивается, с Сисоем она говорила без умолку и смеялась много, а с ним, с сыном, была серьезна, обыкновенно молчала, стеснялась, что совсем не шло к ней?” (С., X, 194-195).

И нет ответа на эти вопросы?

Есть!

Приучили к чинопочитанию, к иерархии отношений, к грубости, к грязи, к необязательности иметь собственное мнение.

К ритуалу приучили. К беспрекословию. К догмам.

А отсюда – один шаг до убожества мысли, до неправды, до невежества.

Архиерей, пастырь духовный, человек, возвышающийся в храме над толпой, все видит, все понимает, но поделать ничего не может.

Единственное, на что хватило энергии, – оставить при себе Сисоя, бывшего эконома епархиального архиерея, человека, который один “держал себя вольно... и говорил все, что хотел” (С., X, 195).

Оставил при себе, но поговорить с ним “о делах, о здешних порядках” (С., X, 190) так и не успел.

Как не успел помочь деньгами племяннице Кате, попросившей их у дяди.

Занят был. Службой и службами.

Тщательно взглядевшись в окружающий мир, Чехов окружает отца Петра подробностями существования и переживаний.

Вот, проезжая по городу, преосвященный видит, как “у купца Еракина, миллионера, пробовали электрическое освещение, которое сильно мигало, и около толпился народ” (С., X, 187).

Вот сам Еракин, который говорит очень громко, но “было трудно понять, что он говорит.

– Дай бог, чтоб... Всенепременнейше! По обстоятельствам, владыко преосвященнейший! Желаю, чтоб!” (С., X, 195).

Вот отец Сисой, “всегда недовольный чем-нибудь, и глаза у него были сердитые, выпуклые, как у рака” (С., X, 190).

Вот мать, которая, “было заметно... стеснялась, как будто не знала, говорить ли ему ты или вы, смеяться или нет” (С., X, 191).

Вот племянница Катя, девочка лет восьми, то и дело что-то роняющая, что-то бьющая, вся светленькая, сияющая, напоминающая летнее солнышко.

Вот описание пятничного богослужения, когда читаются отрывки из всех четырех евангелий, рассказывающих о “страстях господних”: “В продолжение всех двенадцати евангелий нужно было стоять среди церкви неподвижно, и первое евангелие, самое длинное, самое красивое, читал он сам. Бодрое, здоровое настроение овладело им. Это первое евангелие “Ныне прославился сын человеческий” он знал наизусть; и, читая, он изредка поднимал глаза и видел по обе стороны целое море огней, слышал трек свечей, но людей не было видно, как и в прошлые годы, и казалось, что это все те же люди, что были тогда, в детстве и в юности, что они все те же будут каждый год, а до каких пор – одному богу известно” (С., X, 198).

Повествователь в ограниченные пределы храма вводит бесконечность времени (“Казалось, что это все те же люди, что были тогда, в детстве и в юности, что они все те же будут каждый год, а до каких пор – одному богу известно”).

Чехов лишает время границ.

Чехов соединяет в пространстве жизни высокое и будничное, духовное и бытовое, но не настаивает на правильности своего взгляда на мир: через все повествование идет деликатный обезличенный глагол “казалось”.

Через храм – через море голов, огней, неразличимых лиц – проходит полоса отчуждения между отцом Петром и паствой?

Или храм – символ веры, всех объединяющей и исцеляющей (“Бодрое, здоровое настроение овладело отцом Петром”)?

Чехов любит задавать раздражающие вопросы, не надеясь получить ответы. Словно разговаривает сам с собой.

Писатель ощущает собственное одиночество.

“Хоть бы один человек, с которым можно было бы поговорить, отвести душу!” (С., X, 199).

Чей голос звучит?

Отца Петра? Повествователя? Чехова.

А может, все эти голоса сливаются в один крик души?..

Производные одиночества – долженствование, “надобность”, отсутствие воли к самостоятельному решению.

“Нужно было стоять среди церкви неподвижно” (С., X, 198).

“Лошади поданы, пора к страстям господним” (С., X, 198).

“Приехал Еракин... Надо было принять его” (С., X, 195).

Земная сила быта общеизвестна. А притяжение бытия?

А. П. Чудаков пишет, что в “Архиерее” обнажено представлено “неизбежность бытия, его независимость от частных судеб”⁸.

Так ли независимо бытие от судеб конкретных людей?

Общество не может считаться свободным, пока кто-то в нем живет на положении раба.

Пока мы не вольны в своих делах и мыслях. Верность вере еще не освобождает от духовной неволи.

Об этом “Архиерей”.

Н. В. Капустин замечает: “Чеховский архиерей очень земной человек, которому необыкновенно дороги связи между людьми и который страдает от того, что на пути непосредственных человеческих контактов встают неодолимые препятствия” [1, 108].

Преосвященный, все прожитые годы стремившийся соединить Бога и людские души, высокое и земное, понимает, в конце концов, что земной путь составляет смысл человеческого бытия.

Даже в минуты молитвы (что запрещено церковным каноном) вспоминает отец Петр мать, детство — все, что осталось позади. Это — не нарушение канона, это — зов жизни, ощущение полноты которой так не хватает преосвященному.

Чехов разводит не мелочи быта и жизнь души, а суетное и настоящее.

Зона настоящего — вера, любовь, забота о близких. “Смерть, — пишет В. Б. Катаев, — освобождает героя от житейской суеты, тягот, он обрел, наконец, в вопле матери свое настоящее имя, обрел свободу” [2, 289].

Вопль Марии Тимофеевны не просто дарует свободу — он возвращает сына матери, возвращает преосвященного в тот мир, в котором живет она, в мир постоянных забот о близких, о хлебе насущном.

Может, безбедная архиерейская жизнь беднее всякой бытовой бедности?

Изменить уже ничто невозможно, но возвращение в детство не есть ли попытка (хотя бы в мыслях) начать все сызнова?

“И представлялось ему, что он, уже простой, обыкновенный человек, идет по полю быстро,

весело, постукивая палочкой, а над ним широкое небо, залитое солнцем, и он свободен теперь, как птица, может идти куда угодно!” (С., X, 200).

Поле, солнце, небо — знаки возвращения к свободе.

В относительно небольших пределах повествования Чехов все время расширяет границы времени и пространства, возвращая героя в прожитые годы — в детство, в юность, в заграничное житье-бытье.

И одновременно — в пространство живой природы.

Старо-Петровский монастырь — Панкратиевский монастырь — городской собор — все это пространство, заполненное настоящим.

Родное Лесополье — Обнино — заграница (не конкретный город, а вообще — запредельная сторона) — пространство прошлого.

Оба эти пространства заполнены умиротворением, светом, любовью.

“Когда архиерей садился в карету, чтобы ехать домой, то по всему саду, освещенному лунной, разливался веселый, красивый звон дорожных тяжелых колоколов. Белые стены, белые кресты на могилах, белые березы и черные тени и далекая луна на небе, стоявшая как раз над монастырем, казалось теперь жили своей особой жизнью, непонятной, но близкой человеку. <...> Дорога от монастыря до города шла по песку, надо было ехать шагом; и по обе стороны кареты, в лунном свете, ярком и покойном, плелись по песку богомольцы. И все молчали, задумавшись, все было кругом приветливо, молодо, так близко, все — и деревья, и небо, и даже луна, и хотелось думать, что так будет всегда” (С., X, 187).

Ключевая мысль здесь — природа живет “своей особой жизнью”.

Особая жизнь — “веселая”, “красивый звон колоколов” (Антон Павлович, судя по воспоминаниям современников, очень любил колокольный звон), “яркий и спокойный лунный свет”. Это все выглядит “приветливо и молодо”.

Существенно: эта особая жизнь — “близкая, но непонятная человеку”.

И — далее:

“Высокая колокольня, залитая светом” (С., X, 187).

“Тихая задумчивая луна” (С., X, 187).

“Весеннее солнышко... весело светилося на белой скатерти” (С., X, 190).

“Было солнечно, тепло, весело, шумела в канавах вода, а за городом доносилось с полей непрерывное пение жаворонков, нежное, призывающее к покою” (С., X, 196).

Свет, тепло, покой.

“Нет безобразья в природе”, — как сказал Н. А. Некрасов.

⁸ Чудаков А. П. Поэтика Чехова / А. П. Чудаков. — М., 1971. — С. 215.

Сравните: русская жизнь “была нелегка для него (отца Петра. — Л. К.); народ казался ему грубым, женщины-просительницы скучными и глупыми, семинаристы и их учителя необразованными, порой дикими” (С., X, 194).

Поневоле смерть покажется освобождением.

Чехов отводит своему герою неделю на уход.

Неделю, заполненную богослужениями, радостной встречей с матерью и горьким прозрением: что-то в этой жизни не состоялось.

“Он веровал, но все же не все было ясно, чего-то недоставало. Не хотелось умирать; и все еще казалось, что нет у него чего-то самого важного, о чем смутно мечталось когда-то, и в настоящее волнует все та же надежда на будущее, какая была и в детстве, и в академии, и за границей” (С., X, 195).

А когда отец Петр понял, что надеяться сил больше нет, он ушел.

Он ушел.

А что потом?

“А на другой день была Пасха. В городе было сорок две церкви и шесть монастырей, гулкий радостный звон с утра до вечера стоял над городом, не умолкая, волнуя весенний воздух; птицы пели, солнце ярко светило. На большой базарной площади было шумно, колыхались качели, играли шарманки, визжала гармоника, раздавались пьяные голоса. На главной улице после

полудня началось катанье на рысаках — одним словом, было весело, все благополучно, точно так же, как было в прошлом году, как будет, по всей вероятности, и в будущем” (С., X, 201).

Жизнь продолжалась.

А через месяц был назначен новый vicарный архиерей, и о преосвященном Петре забыли. Мария Тимофеевна поселилась в уездном городишке у зятя-дьякона и иногда, вспоминая о детях и внуках, робко, словно боясь, что ей не поверят, говорила о том, что у нее сын был архиереем.

“И ей в самом деле не все верили” (С., X, 201).

В самом деле, сын архиереем был, а мать-старуха в захолустном уездном городке собственную корову на выгоне встречает.

Так не бывает...

Так не бывает?..

ЛИТЕРАТУРА

1. Капустин Н. В. “Чужое слово” в прозе А. П. Чехова: жанровые трансформации / Н. В. Капустин. — Иваново, 2005. — 261 с.

2. Катаев В. Б. Проза Чехова. Проблемы интерпретации / В. Б. Катаев. — М., 1979. — 325 с.

3. Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем в 30 т. / А. П. Чехов. — М., 1977 — Сочинения, Т. X. — 491 с.

Рецензент — Н. Н. Козлова.